

П. В. Чеченков

*Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия. chechenkoff@yandex.ru
ORCID 0000-0002-5610-7806*

**НИЖЕГОРОДСКИЕ СЛУЖИЛЫЕ ИНОЗЕМЦЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII в.:
ФОРМИРОВАНИЕ, ЧИСЛЕННОСТЬ, КАТЕГОРИИ, ПОЛОЖЕНИЕ
В МЕСТНОЙ СЛУЖИЛОЙ СРЕДЕ**

В статье исследуется категория служилого населения Российского государства XVI–XVII вв., известная как служилые иноземцы. Крупным региональным центром их сосредоточения являлся Нижний Новгород. Установлено, что история нижегородских служилых иноземцев началась при Иване Грозном. Перемещение иноземцев и прием их на службу происходили волнами. Из первых партий мало кто смог закрепиться в Нижнем Новгороде. К середине второго десятилетия XVII в. нижегородских иноземцев насчитывалось две сотни, а к концу третьего десятилетия – две с половиной. При этом число их продолжало увеличиваться. При численном равенстве двух основных категорий – «немцы» и «литва» – социальный статус первых был выше. Лишь 10–12 % иноземцев были наделены поместьями, остальные получали кормовое и денежное жалованье. По численности и параметрам землевладения иноземцы мало отличались от русских служилых людей по отчеству.

Ключевые слова: Московское государство, дворяне и дети боярские, иноземцы, военно-служилые корпорации, служилый «город», землевладение, Нижний Новгород

Известно, что Нижний Новгород в начале XVII в. был одним из крупных провинциальных центров сосредоточения служилых иноземцев. П. Г. Любомиров привел их общее число к середине второго десятилетия XVII в. [Любомиров, с. 6]. Оно упоминается в памяти от апреля 1614 г. нижегородских воевод князя В. И. Бахтеярова-Ростовского и С. М. Глебова князю И. Н. Одоевскому Меньшому и С. В. Головину, воеводам «плавной» рати, посланной под Астрахань против атамана И. М. Заруцкого. Воеводы указали, что в поход было отправлено «с головою Михайлом Харламовым нижегородских же иноземцев литвы и немец двести человек» [Акты исторические, с. 416, № 251.III]. Из мартовской отписки тех же нижегородских воевод в Москву известно, что иноземцы были отправлены все, и в самом Нижнем Новгороде никого из них не осталось [Памятники, т. 2, с. 234–235]. По всей видимости, здесь мы имеем дело с самыми ранними сведениями об общей численности нижегородских служилых иноземцев. Следует отметить, что это значительное число, особенно если учесть, что местная корпорация дворян и детей боярских к этому времени могла выставить немногим более трех сотен своих членов [Чеченков 2017а].

Разумеется, история нижегородских иноземцев началась намного раньше. Имеющиеся данные позволяют отнести их массовое появление к тому периоду, когда, по мнению исследователей, окончательно сформировалась страта «служилых иноземцев», а именно: к правлению Ивана Грозного [Опарина 2009]. Большую роль в этом процессе сыграли военные действия из-за Ливонии – первый для России конфликт европейского масштаба. Среди прочего он привел к массовым перемещениям населения: как иностранцев внутрь России, так и подданных русского государя на новые территории. Целый ряд работ затрагивает различные аспекты этой большой темы, в том числе такие, как русские в плену и на службе у иностранных правителей, колонизация захваченных земель, пленные ливонцы в руках мусульман [Бессуднова; Селарт;

Граля; Филюшкин, Кузьмин, с. 94–113; Моисеев]. Вопрос выселения жителей Ливонии в Россию и дальнейших судеб некоторых из них обстоятельно рассмотрен Т. А. Опариной [Опарина 2009; Опарина 2010]. Вместе с тем значение данного конфликта для формирования провинциальных групп российских иноземцев изучено еще недостаточно.

В результате тяжелых боев с силами Ливонской конфедерации в 1558–1561 гг. в русском плену оказалось множество местных жителей. Традиционно пленники томились в заключении до окончания военных действий и служили фондом для обмена на своих или для выкупа. В данном случае ситуация была иной. В ноябре 1561 г. Ливонский орден прекратил свое существование. Поэтому никакого мирного договора не предполагалось. Пленников стали перемещать вглубь России. Если простолюдины попадали в зависимое сословие, то у знатных людей был вариант перехода на русскую службу [Опарина 2010, с. 250–252]. Возможно, уже тогда на берегах Волги появились первые ливонские «немцы» (по-другому – «немчины»). Во всяком случае, есть данные о высылке жителей Нарвы, после ее взятия в 1558 г., в Казань [Хорошкевич, с. 216]. К середине 1560-х гг. выяснилось, что население той части Ливонии, которая оказалась под русским контролем, совсем не радо своему новому положению. Подозрительному царю немного было нужно, чтобы удостовериться в измене. Ответной мерой стало применение к провинившимся процедуры «вывода», опробованной Иваном III в Новгороде и Василием III в Смоленске. По сравнению с началом войны теперь речь шла не о военнопленных, а о мирных жителях, прежде всего представителях социальных верхов, которых насильственно переселяли в центральные районы России, а на их место переводили верных государю русских служилых людей, наделяя поместьями [Опарина 2010, с. 254–255]. К этому времени относится первое сообщение, однозначно связывающее Нижний Новгород с иноземцами. В июне 1565 (1565) г. «велел царь и великий князь вывести из Юрьева Ливонского бурмистров и посадников и ратманов всех немец за их измены в Володимер, на Кострому, в Нижней Новгороде, на Угличь» [ПСРА, с. 397]. Сам факт перемещения подтверждается описью царского архива, в которой зафиксирован ящик 202, «А в нем отписки воеводские из Юрьева Ливонского на юрьевских немец въ московские города: в Володимерь, на Кострому, на Угличь, в Нижней Новгороде...» [Описи, с. 39].

Надо отметить, что идея использования нижегородских земель для размещения депортированных была не нова. В этом же качестве регион использовался отцом и дедом Ивана IV, особенно в период покорения Новгорода Великого [Чеченков 2004б]. Однако внук Ивана III со свойственным ему размахом придал механизму переселений и микширования населения международный масштаб.

Между тем после небольшой передышки, начавшейся в 1570 г., военные действия в Ливонии возобновились: с 1573 г. против Швеции, а с 1577 г. против Речи Посполитой. Первоначально успех сопутствовал русским войскам. Подконтрольная область расширилась и охватила почти всю Ливонию. При этом вывод местных жителей продолжился в еще больших масштабах. Их переводили в Псков, а затем в Москву для распределения по России. Наконец, в условиях начавшихся поражений, оставляя прибалтийские земли в 1579 г., воеводы прихватили с собой членов магистратов («палатников» в терминологии отечественных документов) двух важнейших городов Русской Ливонии – Нарвы и Дерпта (Юрьева), поскольку те приносили присягу царю и, следовательно, считались его подданными [Опарина 2009, с. 277; Опарина 2010, с. 256–257]. Возможно, в это время число нижегородских «немчинов» увеличилось, но точных сведений об этом нет.

Соответственно, хронологически первой и, видимо, достаточно крупной составляющей нижегородских иноземцев стали ливонские «немчины». Известен ряд персон, которых судь-

ба забросила в то время в Нижний Новгород. В опубликованных Т. А. Опариной документах, связанных с реализацией указа 1599 г. царя Бориса Годунова о формировании особой страты «торговых иноземцев», упомянуты живущие в Нижнем Новгороде Юстр Иванов из Ругодива (Нарвы) и Роман Юрьев сын Резвой, отцы которых были «палатниками» в Юрьеве, «полатник» из Юрьева Иван Вестов и Артемий Бракилев из Юрьева [Опарина 2009, с. 292–294].

Есть в документах, касающихся нижегородских земель, сведения не только о свободных «немчинах», но и о холопах из плененных. В сохранившемся отрывке со списка кабальной книги Нижегородской приказной избы 1585 г. содержится кабальная запись Андрея Прокофьева известному деятелю эпохи Смуты священнику Савве (Савелию) Ефимьеву с обязательством «жениться у Савелья на ево на купленной девке немецкого полону на Дарье Кириллове дочери» [Нижегородский край, с. 27]. Ценным источником о бытовой стороне жизни местных помещиков является духовная грамота Ивана Головы Федоровича Соловцова 1594/1595 г. Распределяя движимое и недвижимое имущество между наследниками, завещатель не забывает и зависимых людей: «Да людей Мисюрю – новокрещен немецкого полону Васька Мешок... Да Мисюрю ж Петрушка новокрещен немецкого полону с своим сыном с Мишкою... Да людей Михаилу – Фролик Александров сын с своею женою с Оришкою, оба новокрещены немецкого полону. Да людей Федосею – Гришка Волосатой да жена его Авдотья с детьми. А Авдотья новокрещенка немецкого полону. Да женка вдова Феклица а прозвище Кунева, новокрещенка немецкого полону, Иванчинская жена Дементьева с детьми своими с сыном с Трошкою да с дочерью Фешкою. Те люди после моего живота дочери моей Аксинье». Всего И. Ф. Соловцов называет 19 людей, из которых 9 – пленные и их дети [АСЗ, т. 1, с. 239, № 268]. При этом точно известно, что он был участником военных действий во время конфликта из-за Ливонии [Баранов, с. 139; Книга, с. 62]. Вероятно, холопы из прибалтийских земель были не редкостью в Нижегородском уезде.

Другой категорией иноземцев была «литва» (они же – «литвины») и (или) «паны». Ясно, что речь идет о выходцах из Речи Посполитой. Их массовое появление в Нижнем Новгороде также можно связать с борьбой за Ливонию. После ликвидации Ливонского ордена в 1561 г. началась война с Великим княжеством Литовским. Военные действия происходили на его территории. В них активное участие принимали не только жители княжества, но и польские наемники и добровольцы. Русские войска взяли большое количество плененных. Так, в июле 1564 г. смоленский воевода Василий Бутурлин в мстиславских, кричевских и моголевских волостях захватил 4787 человек. Зарубежные источники сообщают об огромном числе депортированных в Россию после взятия Полоцка в 1563 г. (до 50–60 тысяч) [Филюшкин, Кузьмин, с. 40, 59, 65; Янушкевич, с. 59–128]. Вопрос о плененных возникал во время мирных переговоров. Следовательно, это была заметная проблема. Так, в 1566 г. Иван Грозный готов был освободить всех литовских плененных, а русских выкупить, если Сигизмунд II Август пойдет на территориальные уступки в Ливонии [Филюшкин, Кузьмин, с. 64]. Переговоры зашли в тупик, и военные действия продолжались вплоть до подписания перемирия 24 июня 1570 г. Даже на завершающей стадии новых переговоров звучал вопрос о литовских плененных. За год до этого русские войска освободили Изборск; всех, кто тогда попал в плен, царь предлагал обменять на одну икону из Виленского собора, но получил отказ [Хорошкевич, с. 502–503, 551–555]. На последнем этапе противостояния в 1577–1582 гг. перевес сил уже в значительной степени был на польско-литовской стороне, а сами военные действия переместились на российскую территорию, поэтому крупные поступления подданных польского короля и великого князя литовского в это время маловероятны. Таким образом, если ливонцы могли переводиться в Нижний Новгород

с конца 1550-х до конца 1570-х гг., но основная масса – в середине 1560-х и конце 1570-х, то жители Литвы и поляки – с 1561 по 1570 г.

Первые сведения о «панах» и «литве» в нижегородских землях как раз относятся к началу 70-х гг. XVI в. В указной грамоте нижегородскому губному старосте от 30 марта 1571 г. излагается челобитная Семена Кречетникова, согласно которой из 150 четвертей его поместья в Нижегородском уезде «у него взято пашни на семьдесят на пять четвертей и отделено нововыезжему пану Андрею Демидову». Поскольку вновь прибывший вступался в оставшуюся долю челобитчика, тот просил о размежевании владений. Ввозная грамота его сыновьям на ту же деревню от 10 апреля 1588 г. упоминает их челобитную, в которой они указывали, что поместье «у отца их взято в те поры, как у нижегородцов имано по чети их окладов, и отдано было литвину. И того литвина не стало...» [АСЗ, т. 1, с. 103–105, № 132–133]¹. Об использовании нижегородских поместных земель для наделения выходцев из соседнего государства также свидетельствует ввозная грамота от 20 сентября 1572 г. Василию Каиреву, который был пожалован выморочным жеребьем Василия Шабанова «ко сту к осмидесят к семи четвертям с осминою, против нижегородского же его поместья штидесят дву четвертей с осминою, что у него взято и отдано паном, которые посланы в Казань на житье» [АСЗ, т. 2, с. 165, № 172]. Следовательно, изъятие у нижегородских помещиков части их владений в пользу «панов» было не единичным случаем, а затронуло многих, поскольку братья Кречетниковы писали об этом как об известном массовом событии. Распоряжения верховной власти по делам Кречетникова и Каирева стали ответом на их просьбы, вызванные недавними переменами в жизни, которые могли произойти в пределах нескольких месяцев перед тем. В диспозитивной части указной грамоты о поместной земле Кречетникова находим подтверждение этому. В ней сообщается, что к документу была приложена выпись с нижегородских отдельных книг отдела нижегородского городского приказчика Г. Салманова и подьячего П. Медведева 1569/1570 г. (существуют и другие отсылки к этим книгам, но с указанием на 1570/1571 г.) [АСЗ, т. 3, с. 284, № 346]. Обычно отдельная книга представляла собой индивидуальный документ, оформлявший выделение поместья непосредственно на местности, который отсылался в Поместный приказ. Процедура производилась одним человеком, уполномоченным местными органами управления. В данном случае мы имеем дело с работой небольшой комиссии, состоявшей из должностного лица, игравшего заметную роль в местном управлении [Чеченков 2004а, с. 96–117], и профессионального делопроизводителя. Таким образом, косвенные данные указывают на мероприятие по коллективному испомещению выходцев из Речи Посполитой в Нижегородском уезде около 1570 г.

О его масштабах трудно судить, поскольку мы располагаем лишь отдельными упоминаниями. Увязать с ним можно более десятка персоналий благодаря данным о проводившемся в это время описании Нижегородского уезда. Указные грамоты, восходящие к архиву Нижегородской приказной избы, содержат выписи из не дошедших до нас дозорных книги князя С. Жижемского и подьячего С. Коровина 1570/1571–1571/1572 гг. Всего известна 61 выпись, из которых 25 упоминают «панов» и содержат сведения о 15 людях (некоторые фигурируют в более чем одной выписи): Иван Ануфриев, Андрей Федоров сын Воронин, Матвей Горский, Степан Клим... (окончание утрачено), Иван Васильев сын Некрашевский, Лазарь Павлов, Иван Юрьев сын Подбельский (Побединский), Иван Иванов сын Стогнев, Герасим Иванов сын Стружский (Стрижкин), Марн Семенов сын Шадурский, Данила Борисов сын Юхнов, Матиус Яковлев, а также Астафий, Воин и Яков без имен и отчеств [Материалы, ч. 1, с. 10–409]. Трое из них названы нововыезжими. Вероятнее всего мы имеем дело с результатами меропри-

¹ На случай Кречетниковых, вскоре после публикации документа, обратил внимание Б. Н. Флоря и оценил его как «яркое доказательство нестабильности прав владельцев на свои земли в годы правления Ивана IV» [Флоря, с. 272].

ятий 1570 г. Кроме «панов» в одной из выписей фигурирует «служилый литвин». Некоторые выписи прямо указывают на то, что «паны» получили часть владений нижегородских помещиков. Так, «пан» Даниил Борисов сын Юхнов владел селом Ораповым совместно с Семейкой Гавриловым сыном Доможировым. При этом Данилово владение ранее «было в поместье за Семейкою ж за Доможировым». То же самое узнаем о совместном владении деревней Поляной «паном» Воином и Темирем Федоровым сыном Крюкова, а также о совместном владении селом Сергеевым «паном» Мартыном Семеновым сыном Шадурским и Семеном Гавриловым сыном Приклонским [Материалы, ч. 1, с. 318–319, 347–348, № 167а, 190а].

Возможно, выходцы из Речи Посполитой прибегали до окончания военных действий как обменный фонд. Однако обстоятельства, вроде описанного выше с пленными из Изборска, могли помешать достижению договоренностей на этот счет, и после заключения перемирия начались их перевод на русскую службу и наделение поместьями. Употребление термина «нововыезжий» может свидетельствовать о добровольности перехода («выезде»). Однако о подлинной свободе выбора в условиях военных действий говорить затруднительно.

В то же время обращает на себя внимание полное отсутствие среди выписей с дозорных книг 1570/1571–1571/1572 гг. «немцев», между тем как они уже на протяжении шести лет проживали в Нижнем Новгороде. Возможно, это не случайность и ливонские «немчины» первоначально содержались более сурово, а принятие их на военную службу с наделением земельными владениями началось после восшествия на престол Федора Ивановича. Впервые с наделением поместьем «служилого немца» (Мартына Фендрикова) сталкиваемся в выписи из отдельных книг Г. Шетнева и дьяка В. Шелепина 1585/1586 г. Может быть, это следы какого-то нового мероприятия по испомещению иноземцев. Оно могло быть связано с окончанием для России военных действий из-за Ливонии. Во всяком случае, в выписях с несохранившихся дозорных книг поместным землям В. Борисова и подьячего Т. Аврамова 1587/1588 г. (до нас дошли лишь их книги по дворцовым землям Нижегородского уезда) упоминаются служилые «немцы» Логин Владимиров сын Ушкилев и Федор Мартыанов сын Думерстов Толстой. Первый из них получил поместье как раз в 1584/1585 г., а второй – в 1585/1586 г. [Материалы, ч. 1, с. 329–330, 355, 408–409, № 181а, 194а, 221а]. Сыновья их продолжали службу с отцовских владений. С начала 1590-х гг. служилые «немцы» уже регулярно фигурируют в поместной документации.

В отмеченных ранее справках 1599 г. о происхождении «московских торговых иноземцев» употребляются как различные два термина: «нижегородский торговый немчин» и «служилый нижегородский немчин» [Опарина 2009, с. 292]. По-видимому, изначально ливонские «немчины» в Нижнем Новгороде попали в первую категорию, и лишь со временем у них появились новые перспективы. Так, Иван Вестов из Дерпта вместе с семьей оказался в Нижнем Новгороде. Его старший сын Тимофей к 1599 г. был торговым человеком, жил в Москве, осуществлял торговые операции с Холмогорами. Судьба второго сына Индрика, которому в ту пору было 25 лет, неизвестна. Третий сын Симан (Сенька), на два года младше Индрика, в начале 1620-х гг. имел двор в Нижнем Новгороде и считался «служилым немчином». В окладной книге денежного и хлебного жалованья нижегородских иноземцев 1628/1629 г. Семенка Вестов числился кормовым «немцем». Самый младший из братьев Захар, на пять лет младше Симана, также располагал своим двором в Нижнем Новгороде и поместьем в Нижегородском уезде. В десятне 1622 г. отмечено, что до проведения смотра и момента ее составления Захарий был в «кормовых немчинах», то есть поместье получал впервые. Книга 1628/1629 г. его не знает, но упоминает еще и некоего Ивана Ефремова сына Вестова [Писцовая и переписная

книги, с. 80, 169; Материалы, ч. 2, с. 88–89, 752]². Следовательно, переход в категорию служилых людей, может быть, не для самих ливонских сведенцев, но для их младших родственников и потомков был возможен.

Обращают на себя внимание различные названия, применяемые для выходцев из Речи Посполитой: «пан» и «служилый литвин». В одной из выписей с дозорных книг 1570/1571–1571/1572 гг. вместе фигурируют «пан» Иван Васильев сын Некрашевский и «служилый литвин» Гаврила Афанасьев сын. Можно подумать, что это две различные категории населения. Логично было бы предположить, что под «панами» понимали поляков. Однако в вышеуказанных документах Кречетниковых одно и то же лицо называется то «паном», то «литвином». В частности, Иван Юрьев сын Подбельский (Побединский) в выписи с дозорных книг 1570/1571–1571/1572 гг. фигурирует как «пан», а в выписи с дозорных книг 1587/1588 г. – как «литвин». Андрей Федоров сын Воронин в выписи с книг 1570/1571–1571/1572 гг. – «пан», а в указной грамоте 1597 г., к которой она была приложена, – «литвин». Иван Иванов сын Стогнев в двух выписях с книг 1570/1571–1571/1572 гг. – «пан», а в указных грамотах 1597 г., к которым они приложены, в одном случае – «пан», а в другом – «литвин». Наконец, Герасим Иванов сын Стружский (Стрижкин) в одной выписи с книг 1570/1571–1571/1572 гг. – «пан», а в другой – «литвин», в грамотах 1599 г., к которым они приложены, – «литвин» [Материалы, ч. 1, с. 141–143, 160–162, 182–183, 229–230, 235–236, 252–254, 399–400, № 80, 81а, 91, 91а, 102, 102а, 128, 128а, 131а, 141, 141а, 216а]. Следовательно, четкой градации между данными названиями не существовало, но в 1570-х гг. чаще использовалось обозначение «пан», а начиная с конца 1580-х гг. тех же людей чаще называли «литвинами».

Такая двойственность проявилась и в названии слободы в Нижнем Новгороде, где проживало более половины всех иноземцев, зафиксированных писцовой книгой этого города начала 1620-х гг.: «Немец и литвы», она же «Панская». Вероятно, второе название было первоначальным, поскольку в нем отсутствовали «немцы», которые, как мы полагаем, появились в этой слободе позднее, а первоначально размещались на посаде³. Ее возникновение может относиться к началу 1570-х гг., но она могла быть основана и позднее. Дело в том, что все известия этого времени относятся к «литвинам» поместным, а для помещика двор в городе не являлся обязательным атрибутом. В писцовой книге по городу не находим никого, кто мог бы быть отнесен к родственникам «литвинов» 1570-х гг. Более того, и документам XVII в., учитывающим служилых людей и их землевладение, они неизвестны. Следовательно, в составе местного служилого сообщества они не закрепились. Это может объясняться, как отмечалось в деле Василия Каирева, отправкой «панов» в Казань «на житье». Имеется в виду распространенный прием освоения земель Казанского ханства, когда отправляемым туда служилым людям часть владений выделялась там, а другая в соседних старых уездах. Последняя должна была служить гарантом их доходов, поскольку существование в новых землях отличалось нестабильностью. Однако присутствие этой группы даже в качестве сторонних землевладельцев в Нижегородском уезде оказалось крайне скоротечным. Судя по комплексу материалов, к которому восходят выписи с книг начала 1570-х гг., к концу XVI в. владения всех 15 иноземных помещиков находились в других руках. Можно предположить трагическое завершение судеб этих выходцев из Речи Посполитой, если вспомнить обстановку в Среднем Поволжье начала 1570-х гг. На это время пришлось Вторая черемисская война.

² РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ, Москва). Оп. 6. № 68. Л. 414 об., 429. С 1527 г. Захарий Вестов фигурирует в списках иноземцев Украинного разряда, защищавших южную границу от крымских набегов. Он сохранял свои нижегородские владения, но службой был приписан к Москве [Скобелкин 2006, с. 98].

³ Планируем посвятить этому сюжету отдельную публикацию.

Выписи из более поздних и тоже несохранившихся книг Василия Борисова 1587/1588 г. называют еще шесть «панов» и «литвинов» и одного новокрещена с характерной фамилией Бологовецкий, но, кроме одного случая, они отмечены как бывшие помещики.

Наконец, так же как и «немчины», начиная с 1590-х гг. «литвины» регулярно фигурируют в качестве действующих владельцев. Всего за период с 1591 по 1602 г. известно о 10 «немчинах», 16 «литвинах» и «панах», а также новокрещене-иноземце с разными фамилиями⁴. Между тем в росписи казанского похода зимы 1583/1584 г. нижегородские иноземцы впервые фигурируют как военная сила: 34 нижегородских «немца» были использованы для подавления очередного восстания (Третья черемисская война) [Анхимюк, с. 185]. Это минимальное число служилых «немчинов» Нижнего Новгорода к середине 1580-х гг., поскольку неизвестно, все ли они были задействованы в указанной военной операции, или только часть из них. Скорее всего, последний вариант ближе к истине. Становится понятно, что общее количество служилых иноземцев было значительно больше того списка персоналий, который удастся вычлениить благодаря отрывочным данным об их поместьях.

В сохранившейся дозорной книге Нижегородского уезда С. Н. Грекова и подьячего К. Козодавлева 1612/1613 г. находим 22 «немчина» и двух вдов «немчинов», 13 «литвинов» и две вдовы «литвинов», двух «панов» [Материалы, ч. 1, с. 410–494]. При этом, как отмечалось, в 1614 г. нижегородских иноземцев насчитывалось 200 человек. Следовательно, около полутора сотен иноземцев были кормовыми и поместий не имели. Получается, что испомещение иноземцев не было таким уж распространенным явлением. Чаще всего им приходилось довольствоваться «кормом» и денежным жалованьем. Из 40 персоналий лишь в 8 случаях есть сведения, относящиеся к более раннему времени, но и в них речь идет о недавно полученных владениях. Почти всегда предыдущими владельцами были русские⁵.

Землевладение иноземцев было мелким и дробным. В среднем на одного помещика приходилось чуть менее 100 четей «в поле». Только 10 человек владели целой деревней, остальные – пустошами и «жеребьями» сел, селец, деревень и пустошей. Эти данные вполне соответствуют положению с землевладением местных дворян и детей боярских нижегородцев [Чеченков 2017а]. При этом материальное положение «немчинов» несколько более благополучно, чем «литвинов». На фоне распространенности жеребьевого совладения, случаев концентрации в руках иноземцев всех жеребьев одного селения практически не находим. Локализация владений иноземцев показывает, что они не представляли собой никакого «куста» или «гнезда», а были совершенно хаотично разбросаны вперемешку с поместьями русских землевладельцев, примерно равномерно по той части уезда, где поместья были распространены.

Следующие по времени источники, из которых можно черпать информацию о нижегородских поместных иноземцах, относятся к 1620-м гг. Во-первых, это писцовые книги Нижегородского уезда Д. В. Лодыгина, В. И. Полтева и дьяка Д. Образцова. Во-вторых, разборная десятина боярина князя А. В. Лобанова-Ростовского и дьяка В. Трескина, включающая сведения не только о нижегородских дворянах и детях боярских, но и об иноземцах [Материалы, ч. 1, с. 547–1031; ч. 2, с. 3–622, 714–753].

«Иноземческий» раздел десятины включает 47 человек, в том числе: 16 «литвинов», 21 «немчина», семь вдов «немчинов», три недоросля «немчина». Всех удалось найти в синхрон-

⁴ Помимо указанного комплекса документов еще один «литвин», Савостьян Тепицын, упоминается под 1594/1595 г. [АСЗ, т. 3, с. 101, № 118].

⁵ Также известна Нижегородская платежница 1607/1608 г. В ней фигурируют 16 поместных иноземцев, в том числе 11 «немчинов», четверо «литвинов», один новокрещен (по другим данным – «немчин»). Из них только пятеро неизвестны дозорной книге 1612/1613 г., четверо из которых не упоминаются другими нижегородскими документами. Платежница 1611/1612 г. не содержит новых данных по сравнению с платежницей 1607/1608 г. и дозорной 1611/1612 г. [Нижегородские платежницы].

ных писцовых книгах. В свою очередь, в писцовых книгах встречаются описания владений 33 «немчинов», двух недорослей «немчинов», двух вдов «немчинов», восьми «литвинов», недоросля «литвина». Кроме того, 15 человек, в том числе недоросль и вдова, записаны как иноземцы, без указания категории. Сравнение с десятной позволило отнести двоих из них, в том числе недоросля, к «немчинам», а семерых к «литвинам». Классифицировать оставшихся помогло обращение к публикации О. В. Скобелкина, в которой он проанализировал данные о западноевропейцах, проходивших службу в Украинном разряде в 20-х – начале 30-х гг. XVII в. Среди них были и нижегородские помещики Я. Ахторлони, Т. Кар, Р. Кунигем, С. И. Французенинов [Скобелкин 2006]. Логично предположить, что оставшиеся, А. Г. Мировицкий и Г. А. Пузиков, относились к «литвинам». Таким образом, мы имеем сведения о 43 «немчинах» и 18 «литвинах». Итого 61 человек. По сравнению с 1613 г., за 10 лет число иноземцев-землевладельцев выросло на 50 %. При этом преобладание «немчинов» стало еще заметнее, поскольку их представительство увеличилось на 20 человек, а «литвинов» – только на одного. Появилось 18 новых фамилий: 13 «немецких» (Ахторлони, Вестр-Вестов, Гарлант-Ярлонтов, Борзунов, Борозовиков, Буш, Кар, Кунигем, Толмачев, Фаленовский, Фамендин, Фардесин, Французенинов), четыре «литовских» (Жданов, Кулаковский, Мировицкий, Пузиков)⁶.

Многие иноземцы были местными землевладельцами не в первом поколении. В 14 случаях, не считая родных братьев, известно, что владение досталось от отца. Однако упоминаемые документы, фиксирующие права семьи на землю (выписи из писцовых описаний, ввозные и прочие грамоты), не простирались у них глубже 1590-х гг.

Средний размер владения сократился до 90 четей «в поле». Различие по этому показателю между «немчинами» и «литвинами» нивелировалось. Только шесть иноземцев владели целым селцом и двое целой деревней. Даже такие мелкие поместья состояли из отдельных половин, четвертей и «жеребьев», в том числе пустоши. Они могли быть удалены друг от друга и даже находиться в разных станах. Поместные оклады «немчинов» были выше, чем у «литвинов». Среди 16 человек с окладом 300 четей «в поле» и выше встречаются только три «литвина», остальные – «немчины».

В начале 1620-х гг., как и ранее, во многих случаях можно наблюдать совместное землевладение иноземцев. Однако строгой системы здесь не было. Практически столько же можно найти и обратных примеров, когда иноземцы владели поместьями и вотчинами совместно с русскими землевладельцами. Также во многих случаях земля не выходила за пределы круга иноземцев, но и это не было правилом. Есть примеры того, как поместья после иноземцев доставались русским. Территориальная структура иноземческого землевладения в уезде к началу 1620-х гг. принципиально не изменилась.

Данные писцовых книг и десяти 1620-х гг. позволяют выделить еще две тенденции, общие для нижегородских иноземцев и нижегородского служилого «города». Во-первых, полное доминирование поместья над светской вотчиной. Во-вторых, преобладание землевладельцев из местного служилого сообщества. Большинство иноземцев (81 %), владевших землями в уезде, были прикреплены службой к Нижнему Новгороду.

О. В. Скобелкин, изучая нижегородских «немцев», отметил, что самые ранние известия о численности и персональном составе иноземцев, служивших по Нижнему Новгороду, относятся к концу 1630 г. Исследователь подразумевал списки, составленные в Нижнем Новгороде

⁶ В то же время общие выводы, сделанные автором о размещении по уездам поместного землевладения служилых «немцев», нуждаются в уточнении. Случай Нижнего Новгорода демонстрирует, что одних списков о прохождении службы в Украинном разряде для этого мало. Исследователь с их помощью установил 11 нижегородских помещиков в середине 1620-х гг. и поставил Нижегородский уезд на пятое место по распространенности землевладения западноевропейцев. В действительности, как видим, их было в четыре раза больше.

в связи с приездом нового головы нижегородских иноземцев И. Ф. Тыркова, позднее отправленные в Иноземский приказ. Изучение данных списков позволило О. В. Скобелкину представить свод персональных данных о западноевропейцах Нижегородского уезда конца 20-х гг. XVII в. [Скобелкин 2011]. Публикация ввела в научный оборот новые данные. Однако сфера научных интересов автора такова, что иные категории иноземцев его не заинтересовали. Кроме того, как мы видим, в нашем распоряжении есть и более ранние сведения об общей численности нижегородских иноземцев. Что касается персонального состава, то и здесь мы располагаем данными за предыдущие годы. Это не только сведения поместной документации, о которых речь шла выше. В расходных книгах Казенного приказа сохранился список нижегородских иноземцев, которым 28 декабря 1616 г. дано было государева жалованья «сукна настрафилю лазоревого» за «яицкую службу»⁷. По всей видимости, речь идет о вознаграждении за участие в поимке атамана Ивана Заруцкого, Марины Мнишек и их окружения, произошедшей в июне 1614 г. на реке Яик [Лисейцев, с. 335]. О начале этой экспедиции упоминает апрельское послание нижегородских воевод, отмеченное в начале статьи. Сам по себе список малоинформативен, поскольку не имеет структуры и не содержит почти никаких сведений, кроме имени и фамилии, иногда отчества. Три участника названы «немчинами», десять – новокрещеными, двое – «тирнополцами», по одному – «угренином» и «казаченком». Список содержит 135 позиций, но Степан Федоров фигурирует дважды. Неясно, один ли это человек, или двое. Перечень явно не исчерпывает всех нижегородских иноземцев, поскольку, как отмечалось ранее, еще за два года до составления списка их насчитывалось две сотни. Однако хронологически это первый столь обширный из известных нам списков. Логика его составления не прослеживается. Иноземцы перечислены не по алфавиту, не по «национальным» категориям, не по размеру оклада. Тем не менее можно заметить, что в первых двух десятках в основном сконцентрированы поместные иноземцы. Однако этот принцип не выдержан последовательно, так как помещики встречаются в четвертом, седьмом, восьмом и девятом десятках. Фамилии некоторых помещиков известны с конца XVI в. (Гетлин, Лукомленин, Малышевский, Рощин, Шварт).

Список может быть дополнен сведениями о нижегородских иноземцах, оставленных в Астрахани после похода на Заруцкого. Они дошли в составе расспросных речей от августа 1616 г. по делу о приезде персидского гонца Муртозы. Опрошено было 62 нижегородских иноземца. Некоторые отмечены как «немчин» или «литвин», но далеко не все [Памятники, т. 3, с. 91–92]. С декабрьским списком совпадают 53 имени. Соответственно, мы располагаем персональными данными о 143–144 иноземцах на 1616 г. Лишь 16 человек из них встречаются в более ранних документах, еще у троих упоминаются отцы. Сопоставление с прочими материалами позволяет 40 персон отождествить с «немчинами», 63 – с «литвинами», четырех – со служилыми татарами. Принадлежность 34 иноземцев неясна, из них 29 другим документам, с которыми мы работали, неизвестны.

Иное дело окладная книга нижегородских иноземцев 1628–1629 гг., сохранившаяся в составе книг Московского стола Разрядного приказа⁸. Основной ее текст был составлен 15 октября 1628 г., когда была расписана смета денежного и хлебного жалованья и послана память об этом в Новгородскую четь⁹. Дополнительные данные (о выбытии из корпорации, о пожаловании поместьем) вносились до 31 августа 1629 г. Список разделен на рубрики: «немцы» поместные, «литва» поместная, «немцы» кормовые, «новокрещены, что были крымские татаровя» кормовые, «литва» кормовая. Самым первым среди «немцев» до росписи по по-

⁷ РГАДА. Ф. 396 (Архив Московской Оружейной палаты). Оп. 2. Кн. 279. Л. 109–113. Благодарю Т. А. Опарину за указание на этот документ.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 68. Л. 393–488.

⁹ Там же. Л. 470.

местным окладам записан с указанием денежного корма из «нижегородских доходов» и «питья с кабака» капитан Валентин Розформ «нового выезде», который, как установил О. В. Скобелкин, являлся головой нижегородских иноземцев до 20 октября 1630 г., когда на смену ему прибыл И. Ф. Тырков. После основного текста окладной книги добавлены данные о выезде, верстании и направлении в Нижний Новгород еще четверых кормовых «литвинов» в период со второй половины октября 1628 по май 1629 г. (Николай Богурский, Ян Грабинский, Лукьян Дубровский, Осип Хмелевский).

Всего в окладной есть данные о 257 иноземцах. «Немчины» поместные (включая недорослей) насчитывали 15 человек, кормовые – 103, литвины поместные – 13, кормовые – 115, татары кормовые – 11. Пять «немчинов» и 27 «литвинов» названы новокрещенцами, почти для всех указаны новые и старые имена. Из них один «немчин» также отмечен как «француженин», один «литвин» как «шляхтич», двое как «гайдуки», двое как «черкашенины». Среди прочих (то есть не новокрещен) находим еще одного «гайдука» и одного «черкашенина».

К 15 октября 1628 г. двое («немчин» и «литвин») оказались умершими, один «литвин» пропал, один татарин перешел на службу к князю Д. М. Пожарскому. Итого, не считая троих недорослей, числилось 245 человек (25 поместных, 220 кормовых). К 1 сентября 1629 г. до Разрядного приказа довели сведения о смерти еще одного «немчина», шести «литвинов» и трех татар, один «немчин» был «взят к Москве», но прибыло четверо новых «литвинов». В результате стало 238 иноземцев (25 поместных, 213 кормовых). По всей видимости, данный список не является исчерпывающим. Сравнение со сводом, составленным О. В. Скобелкиным, показывает, что окладной книге 1628–1629 гг. не были известны семь «немчинов» из списка, составленного И. Ф. Тырковым осенью 1630 г. (Савва Бушев, Кондраш Оловсен, Анц Прус, Андрей Струк, Иван Пантелеев сын Тилбуков, Тимофей Матвеев сын Толмачев, Яган Тунш). С другой стороны, в списке Тыркова отсутствовали три «немчина» из окладной книги (Христофор Денисов сын Франчилов (Врангелев), Петрушка Матвеев, Андрей Андреев сын Морцов). Таким образом, подразделение нижегородских иноземцев к началу 1630-х гг. насчитывало порядка двух с половиной сотен участников.

Собранные данные позволяют сделать несколько наблюдений. Во-первых, окладная книга прямо и косвенно свидетельствует о продолжающемся пополнении состава нижегородских иноземцев. По сравнению с 1614 г. их число возросло на 25 %. «Немчины» и «литвины» представляли собой равные половины этого сообщества. Небольшим вкраплением являлись служилые татары крымского происхождения¹⁰. Во-вторых, в общем контингенте нижегородских служилых людей иноземцы играли более чем заметную роль, поскольку их число сопоставимо с количеством дворян и детей боярских, которых в это время насчитывалось немногим более трех сотен [Чеченков 20176]. В-третьих, подтверждается мысль о том, что землевладельцы были лишь вершиной айсберга нижегородских иноземцев, составляя среди них чуть более 10 %.

По сравнению с 1622 г. число поместных иноземцев сократилось на 16 человек. При этом персональный состав и поместные оклады почти не изменились. Размеры этих окладов, по данным десяти 1622 г. и окладной книги 1628/1629 г., кажутся не очень большими даже на уровне нижегородской корпорации, не отличавшейся своей статусностью. Лишь 16 иноземцев имели оклад 400 и 450 четей (около 6 %), остальные – меньше. При этом в русской части десяти 1622 г. оклады от 400 до 800 четей имели 60 служилых людей. Это почти одна шестая часть их состава. Из указанных 16 человек – лишь два «литвина», два татарина, а остальные «немчины». Следовательно, «немчинов» ценили несколько выше, чем «литвинов».

¹⁰ По-видимому, это были остатки двора крымского царевича Мурад-Гирея, жена которого в 1590-х гг. жила в Нижнем Новгороде. Благодарю А. В. Белякова за консультацию по этому вопросу.

Также обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Отсутствуют крупные семьи. В окладной редко можно увидеть фамилии, повторяющиеся более трех раз. Поместные иноземцы, прибывающие в меньшинстве, кажутся более укорененными на местной почве. У них чаще встречаются отчества и более русифицированные фамилии. Но и для них проследить связь с первыми испомещениями не получается. Лишь фамилия «немчинов» Ушкилевых уверенно прослеживается с 1588 г., а остальные и того позднее.

Подведем итоги. История нижегородских служилых иноземцев началась благодаря военным действиям из-за Ливонии при Иване Грозном. Ее жители составили первоначальное ядро иноземского сообщества, которое позднее было значительно пополнено выходцами из Великого княжества Литовского и, возможно, Польши. Соответственно, «немчины» и «литвины» стали двумя основными его категориями¹¹. Перемещение иноземцев и прием их на службу происходили волнами. Из первых партий мало кто смог закрепиться в Нижнем Новгороде, надолго осесть и оставить потомство. Вероятно, «литвинов» охотнее и раньше начали принимать на службу, чем «немчинов». При этом их сразу активно стали использовать в военных действиях, но на восточном направлении – подальше от родины. Отработанный ранее прием переброски служилых людей с запада на восток с целью разрыва прежних социальных связей и усиления контроля продолжал использоваться.

К середине второго десятилетия XVII в. нижегородских иноземцев насчитывалось две сотни, а к концу третьего десятилетия – уже две с половиной, и число их продолжало увеличиваться. Для Нижнего Новгорода это был значительный воинский контингент, который лишь немногим уступал по своей численности местному служилому «городу». Почти поровну иноземцы делились на «немцев» и «литву». Небольшим случайным компонентом были новокрещены крымские татары. При численном равенстве двух основных категорий «немчины» по своему статусу занимали более высокую позицию.

Лишь 10–12 % иноземцев относились к поместным, остальные – к кормовым. Испомещение иноземцев изначально происходило путем изъятия части владений у нижегородских помещиков. Поэтому и впоследствии иноземское землевладение не было компактным, а свободно перемежалось с владениями русских служилых землевладельцев. Характерные особенности служилого землевладения Нижегородского уезда также были общими для русских и иноземных служилых людей. К концу изучаемого периода поместные иноземцы хотя и составляли меньшинство, но являлись наиболее устойчивой группой, чьи связи с уездом уходили в конец XVI в.

Источники

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 3. 534 с.
Анхимюк Ю. В. Росписи Казанского зимнего похода в разрядной книге ОР РНБ Q.IV.53 // Государство и общество в России XV – начала XX века: Сборник статей памяти Н. Е. Носова. СПб., 2007. С. 180–188.
АСЗ – Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века М., 1997. Т. 1. 431 с.; М., 1998. Т. 2. 607 с.; М., 2002. Т. 3. 678 с.
Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 119–154.
Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) / Подгот. К. В. Петров. СПб., 2004. 108 с.
Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века. М., 2015. Ч. 1. 1033, [2] с.; Ч. 2. 959, [1] с.
Нижегородские платежницы 7116 и 7129 // ЧОИДР. М., 1910. Кн. 3. С. 1–284.

¹¹ Отношения между этими группами не всегда складывались гладко. Об этом свидетельствует случай из биографии упомянутого капитана В. Розформа, которая была восстановлена О. В. Скобелкиным. До назначения Розформа в 1624 г. в Нижний Новгород у «немцев» и «литвы» был общий глава. Поведение капитана спровоцировало конфликт между ними. «Литвины» обвинили Розформа в злоупотреблениях и притеснениях, которые стали основанием для прошения об отделении их от «немцев» и назначении им отдельного командира. Власть пошла навстречу, выделив в 1626 г. «литву» в отдельную роту во главе с Ю. Кулаковским. Однако уже в 1630 г. И. Тырков вновь был назначен единым начальником всех нижегородских иноземцев [Скобелкин 2016].

Нижегородский край в конце XVI – первой половине XVII в. (Акты приказного делопроизводства). Сборник документов. Нижний Новгород, 2009. 288 с.
Описи царского архива XVI века и архива посольского приказа 1614 года. М., 1960. 195 с.
Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 2, 3 // Труды Восточного отделения Императорского Археологического общества. СПб., 1892. Т. 21. [6], II, 445, [2] с.; СПб., 1898. Т. 22. [6], 731 с.
Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду // РИБ. СПб., 1898. Т. 17. С. I–XXIX, стб. 1–464, с. 1–73.
ПСРА. М., 1965. Т. 13. 532 с.

Литература

Бессуднова М. Б. Реалии Ливонской войны в показаниях русских военнопленных. Дюнабург, год 1577 // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2016. № 1. С. 38–45.
Граля Х. «In Der Tyrannen Hend»: русская колонизация Ливонии во второй половине XVI в.: планы и результаты // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 2. С. 175–193.
Лисейцев Д. В. Начало царствования Михаила Федоровича Романова. Завершение и итоги Смутного времени // *История России: В 20 т. М., 2024. Т. 5. Кн. 1. С. 320–354.*
Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. 354 с.
Моисеев М. В. Пленные Ливонской войны на востоке: люди и судьбы // *Vesture: avoti un cilvēki. XXVII zinātniskie lasījumi. Vesture XXI. Daugavpils*, 2018. P. 261–267.
Опарина Т. А. Ливонские пленники в политической борьбе Бориса Годунова // *Средние века*. 2009. Вып. 70 (№ 1–2). С. 273–302.
Опарина Т. А. Проблема источников депортаций ливонских пленников в Россию // *Балтийский вопрос в конце XV – начале XVI вв. М., 2010. С. 239–268.*
Селарт А. «Русские бояре» в Эстляндии (конец XVI – начало XVII в.) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 2. С. 38–45.
Скобелкин О. В. Размещение поместного землевладения служилых «немцев» в 20-х – начале 30-х гг. XVII в. // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2006. № 1. С. 95–100.
Скобелкин О. В. Нижегородские «немцы» в конце 20-х гг. XVII в. // *Вестник Нижегородского университета им. Н. Л. Лобачевского*. 2011. № 4 (1). С. 212–216.
Скобелкин О. В. Капитан Валентин Росворм: эпизоды из жизни нижегородских иноземцев в 20-х гг. XVII в. // *Вестник Нижегородского университета им. Н. Л. Лобачевского*. 2016. № 2. С. 88–94.
Филюшкин А. И., Кузьмин А. В. Когда Полоцк был российским. Полоцкая компания Ивана Грозного 1563–1579 гг. М., 2017. 176 с.
Флоря Б. Н. Сведения об опричнине в новых документах из светских феодальных архивов // *Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 269–274.*
Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. 620, [1] с.
Чеченков П. В. Нижегородский край в конце XIV – третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. Нижний Новгород, 2004. 137 с. [Чеченков 2004а]
Чеченков П. В. О земельной политике московских великих князей на казанском порубежье в середине XV – первой трети XVI в. (на примере Нижегородского уезда) // *Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Серия История*. 2004. Вып. 1 (3). С. 157–168. [Чеченков 2004б]
Чеченков П. В. Между вторым самозванцем и новой династией: параметры землевладения нижегородского служилого «города» в 1607–1613 гг. // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2017. № 1. С. 68–75. [Чеченков 2017а]
Чеченков П. В. Численность и структура нижегородской служилой корпорации по разборным спискам 1630 г. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2017. № 3 (69). С. 163–164. [Чеченков 2017б]
Янушкевич А. Н. Ливонская война. Вильно против Москвы: 1558–1570. М., 2015. 381, [1] с.

References

Bessudnova, M. B. Realii Livonskoi voiny v pokazaniyakh russkikh voennoplennykh. Dyunaburg, god 1577. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2016. No. 1. Pp. 38–45. (In Russ.)
Chechenkov, P. V. Nizhegorodskii kraj v kontse XIV – tret'ei chetverti XVI v.: vnutrennee ustroistvo i sistema upravleniya. Nizhnii Novgorod, 2004. 137 p. (In Russ.)
Chechenkov, P. V. O zemel'noi politike moskovskikh velikikh knyazei na kazanskom porubezh'e v seredine XV – pervoi treti XVI v. (na primere Nizhegorodskogo uezda). In *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo. Seriya Istoriya*. 2004. Iss. 1 (3). Pp. 157–168. (In Russ.)

- Chechenkov, P. V. Mezhdru vtorym samozvantsem i novoi dinastiei: parametry zemlevladieniya nizhegorodskogo sluzhilogo "goroda" v 1607–1613 gg. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*. 2017. No. 1. Pp. 68–75. (In Russ.)
- Chechenkov, P. V. Chislennost' i struktura nizhegorodskoi sluzhiloi korporatsii po razbornym spiskam 1630 g. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2017. No. 3 (69). Pp. 163–164. (In Russ.)
- Filyushkin, A. I., Kuz'min, A. V. Kogda Polotsk byl rossiiskim. Polotskaya kompaniya Ivana Groznogo 1563–1579 gg. Moscow, 2017. 176 p. (In Russ.)
- Florya, B. N. Svedeniya ob oprichnine v novykh dokumentakh iz svetskikh feodal'nykh arkhivov. In *Rossiiskoe gosudarstvo v XIV–XVII vv.* Saint Petersburg, 2002. Pp. 269–274. (In Russ.)
- Gralya, Kh. "In Der Tyrannen Hend": russkaya kolonizatsiya Livonii vo vtoroi polovine XVI v.: plany i rezul'taty. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. No. 2. Pp. 175–193. (In Russ.)
- Khoroshkevich, A. L. Rossiya v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii serediny XVI veka. Moscow, 2003. 620, [1] p. (In Russ.)
- Liseitsev, D. V. Nachalo tsarstvovaniya Mikhaila Fedorovicha Romanova. Zavershenie i itogi Smutnogo vremeni. In *Istoriya Rossii: V 20 t.* Moscow, 2024. Vol. 5. Book 1. Pp. 320–354. (In Russ.)
- Lyubomirov, P. G. Ocherk istorii Nizhegorodskogo opolcheniya 1611–1613 gg. Moscow, 1939. 354 p. (In Russ.)
- Moiseev, M. V. Plennye Livonskoi voyny na vostokey: lyudi i sud'by. In *Vesture: avoti un cilveki. XXVII zinatniskie lasijumi. Vesture XXI.* Daugavpils, 2018. Pp. 261–267. (In Russ.)
- Oparina, T. A. Livonskie plenniki v politicheskoi bor'be Borisa Godunova. In *Srednie veka*. 2009. Iss. 70 (No. 1–2). Pp. 273–302. (In Russ.)
- Oparina, T. A. Problema istochnikov deportatsii livonskikh plennikov v Rossiyu. In *Baltiiskii vopros v kontse XV – nachale XVI vv.* Moscow, 2010. Pp. 239–268. (In Russ.)
- Selart, A. "Russkie boyare" v Estlyandii (konets XVI – nachalo XVII v.). In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. No. 2. Pp. 38–45. (In Russ.)
- Skobelkin, O. V. Razmeshchenie pomestnogo zemlevladieniya sluzhilykh "nemtsev" v 20-kh – nachale 30-kh gg. XVII v. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*. 2006. No. 1. Pp. 95–100. (In Russ.)
- Skobelkin, O. V. Nizhegorodskie "nemtsy" v kontse 20-kh gg. XVII v. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. L. Lobachevskogo*. 2011. No. 4 (1). Pp. 212–216. (In Russ.)
- Skobelkin, O. V. Kapitan Valentin Rosvorm: epizody iz zhizni nizhegorodskikh inozemtsev v 20-kh gg. XVII v. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. L. Lobachevskogo*. 2016. No. 2. Pp. 88–94. (In Russ.)
- Yanushkevich, A. N. Livonskaya voyna. Vil'no protiv Moskvy: 1558–1570. Moscow, 2015. 381, [1] p. (In Russ.)

Pavel V. Chechenkov

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University;

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

NIZHNY NOVGOROD servicemen foreigners

OF THE SECOND HALF OF THE 16th – FIRST THIRD OF THE 17th CENTURY:

FORMATION, NUMBER, CATEGORIES, POSITION IN THE LOCAL SERVICE ENVIRONMENT

The article examines the category of service population of the Russian State of the 16th–17th centuries, known as service foreigners. A large regional center of their concentration was Nizhny Novgorod. It is established that the history of the Nizhny Novgorod service foreigners began under the reign of Ivan the Terrible. The movement of foreigners and their recruitment into service occurred in waves. Few of the first parties were able to gain a foothold in Nizhny Novgorod. By the middle of the second decade of the 17th century, there were two hundred Nizhny Novgorod foreigners, and by the end of the third decade – two hundred and a half. At the same time, their number continued to increase. With the numerical equality of the two main categories, "Germans" and "Lithuania", the social status of the "Germans" was higher. Only 10–12 % of foreigners were given estates, the rest received food and cash salaries. In terms of numbers and land management parameters, foreigners differed little from Russian service people in their homeland.

Keywords: Muscovy, foreigners, the gentry, foreigners, gentry corporations, estates, Nizhny Novgorod